

Золотая серия

В золотую серию входят лучшие
книги издательства ББИ,
ставшие классикой
и пользующиеся любовью
читателей в России

DIETRICH BONHOEFFER

Ethik

*Herausgegeben von
Ilse Tödt, Heinz Eduard Tödt (†),
Ernst Feil und Clifford Green*

Zweite, überarbeitete Auflage

CHR. KAISER VERLAG

1998

СОВРЕМЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ

Дитрих Бонхеффер

Этика

Под редакцией

Ильзе Тёдт, Гайнца Эдуарда Тёдта (†),
Эрнста Файля и Клиффорда Грина

ИЗДАТЕЛЬСТВО

М О С К В А

ББК 86.376
УДК 230.111 / 227.12
Б 816

Перевод:

А. Васютин, А. Данилов, С. Коначева, Г. Куделич,
А. Лукьянов, С. Павлов, А. Тихомиров, К. Уколов
Научный редактор: С. Коначева

Верстка: С. Опарина

Обложка: А. Бизяев

Перевод этой книги осуществлен при финансовой поддержке Института имени Гете — Die Herausgabe des Werkes wurde aus Mitteln des Goethe-Instituts gefördert

Издание осуществлено при поддержке ICCO & Kerk in Actie (Утрехт, Нидерланды)

Данный перевод книги Дитриха Бонхеффера «Этика» публикуется с согласия издательства *Gütersloher Verlagshaus*

Бонхеффер Дитрих

Этика / Пер. с нем. (Серия «Современное богословие»). — М.: Издательство ББИ, 2013. — xxxiv + 501 с.

ISBN 978-5-89647-298-8

В настоящем издании публикуются рукописи «Этики» выдающегося немецкого богослова Дитриха Бонхеффера, созданные им между 1940 и 1943 гг. В «Этике» он видел «дело всей своей жизни», исходный пункт ее концепции — богословский вопрос о том, как явленная в Иисусе Христе реальность Бога может отразиться в земной человеческой жизни. В заметках издателей обоснована новая реконструкция текста, прояснен частично зашифрованный исторический контекст этики Бонхеффера и показано ее богословское значение.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети Интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

- © Chr. Keiser/Gütersloher Verlagshaus, Gütersloh, 1992, 1998
- © Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2013
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316, Россия
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Об «Этике» Бонхеффера	vii
Дитрих Бонхеффер для нас	.xi
Предисловие редактора русского издания	xxxiii
Предисловие издателя	1
1. ХРИСТОС, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И БЛАГО. ХРИСТОС, ЦЕРКОВЬ И МИР	17
2. ЭТИКА КАК ОФОРМЛЕНИЕ	51
3. НАСЛЕДИЕ И УПАДОК	82
4. ВИНА, ОПРАВДАНИЕ, ОБНОВЛЕНИЕ	116
5. ПОСЛЕДНИЕ И ПРЕДПОСЛЕДНИЕ ВЕЩИ	129
6. ЕСТЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ	157
7. ИСТОРИЯ И БЛАГО (<i>Первая редакция</i>)	218
8. ИСТОРИЯ И БЛАГО (<i>Вторая редакция</i>)	249
9. ЛЮБОВЬ БОЖЬЯ И РАЗЛОЖЕНИЕ МИРА	310
10. ЦЕРКОВЬ И МИР I	353
11. О ВОЗМОЖНОСТИ СЛОВА ЦЕРКВИ К МИРУ	366
12. «ЭТИЧЕСКОЕ» И «ХРИСТИАНСКОЕ» В КАЧЕСТВЕ ТЕМ	378
13. КОНКРЕТНАЯ ЗАПОВЕДЬ И БОЖЬИ НАКАЗЫ-ПОРУЧЕНИЯ	408
Послесловие издателя	432
Сравнительный обзор порядка публикации рукописей «Этики» в изданиях, начиная с 1949 года	461
Указатель библейских источников	462
Именной указатель	467
Предметный указатель	480

ОБ «ЭТИКЕ» БОНХЕФФЕРА

«Кажется, что познание добра и зла — это цель всякого этического размышления. А первоочередная задача христианской этики — отмена самого этого знания. В своем выпаде против общих предпосылок любой этики она столь одинока, что встает вопрос: имеет ли вообще смысл говорить о христианской этике» (*Этика*, с. 310¹).

Дитрих Бонхеффер, как известно, главным делом своей жизни считал обоснование такой этической программы, которую с полным правом можно назвать христианской, то есть соотнесенной с тем, к чему призывает евангельская проповедь, сердцевина которой заключена в Заповедях блаженства. Этичным в христианском смысле можно считать то, что в действительности реализует и сами эти Заповеди, и многие другие образцы того, что можно считать «истинным» и «блаженным» в действиях и мыслях человека «с точки зрения Христа», как это дают понять и конкретные ситуации, и притчи Евангелий, и апостольские послания. И главное, этичным в христианской перспективе будет то, что самым прямым образом соотнесено с фактом воплощения, иначе говоря — с волей Божьей, милующей грешника по благодати, а вовсе не по его нравственному достоинству. Это, по Бонхефферу, *последняя реальность*. Те новые этические основания жизни христианина, которые он стремится обнаружить и изложить, относятся к *предпоследней реальности*. Между *последней* и *предпоследней* реальностью — не плавный переход, а скачок, который может быть назван катастрофическим. Катастрофическим, как открывают евангельские истории, оказывается не только осуждение того, кто по обычным этическим меркам представлялся достойным и праведным: неожиданное помилование того, кто считался недостойным и грешным, также становится катастрофой для

---

¹ Здесь и далее в скобках даны ссылки на настоящее издание «Этики» Бонхеффера. — *Прим. ред.*

носителя «нормальных» этических принципов и вызывает его ропот (притча о блудном сыне, притча о виноградарях, пришедших трудиться в разное время, и др.). Из этого скачка между «предпоследним» и «последним», которого сам человек совершить не может, никак не следует нигилистический подход к предпоследним вещам, известный «иммориализм». Напротив, Бонхеффер настойчиво думает об апологии «хорошего человека» в христианской перспективе. Он решительно против идеи того, что надо быть крайним грешником или неудачником, чтобы принять Христа. Иисус — вовсе не адвокат достигших успеха в истории, но Он также и не возглавляет восстание неудачников против успешных. Для Него «речь идет не об успехе или неудаче, но о послушном принятии Божьего суда» (*Этика*, с. 68). Спор Бонхеффера с классической этикой в другом. Можно сказать: в том, что ей неизвестны *как обязательные* некоторые требования к человеку, неотменимые в силу факта воплощения.

Христианская этика — как некоторая система — представлялась Бонхефферу не просто парадоксальной (к «парадоксам христианства» мир уже привык), но почти невозможной. Этому невозможному делу он посвятил не только свой труд богослова, но и свою жизнь исповедника в ситуации особой исторической ответственности.

Тем, кому не приходилось напрямую задуматься над глубочайшим внутренним противоречием между классической этикой (и всеми производными от нее системами) и вестью христианства (а другого христианства, чем церковное, Бонхеффер не мыслил), постановка темы у Бонхеффера — как она высказана в первой приведенной нами цитате — покажется не просто странной, но вызывающей, едва ли не скандальной. Церковь привычно представляется хранителем моральных устоев, «традиционных ценностей», а во времена общей смуты и разброда — едва ли не последним их хранителем. Между четверкой классических добродетелей и триадой добродетелей богословских (вера, надежда, любовь) естественно предпола-

гается значительная дистанция, но, тем не менее, не катастрофическое противоречие. Образную картину этого согласования добродетелей мы видим в финале дантовского «Чистилища», в Земном раю. «Практикующий» церковный человек — по умолчанию и человек нравственный в измерениях автономной этики (мы не обсуждаем того, как это зачастую выглядит в реальности, речь идет о норме).

Катастрофическая эпоха, действующим лицом которой стал Д. Бонхеффер, заставила с новой ясностью увидеть совершенно особый в свете «обычной» этики, неотмирный характер христианской вести и ее императивов. *Предпоследние вещи* могут быть рассматриваемы только исходя из *вещей последних*. Таково решение Бонхеффера. «Не существует “предпоследнего” самого по себе, так чтобы нечто могло оправдать свое существование в качестве “предпоследнего”, но “предпоследним” нечто становится только благодаря “последнему”, то есть в тот момент, в который оно уже лишено силы. “Предпоследнее”, следовательно, — это не условие “последнего”, но “последнее” обуславливает “предпоследнее”. “Предпоследнее”, следовательно, — это не положение вещей само по себе, но приговор “последнего” тому, что ему предшествует. Поэтому оно не нечто настоящее, но всегда уже прошедшее» (*Этика*, с. 144-145). Он находит слово для общего описания предпоследних вещей, которыми занимается в «Этике»: это евангельское слово *готовность*. Человек — тот, кого можно назвать воистину человеком, — должен быть каким-то образом *готов* к последней реальности, к ее непредсказуемому явлению (как в притче о Женихе и неразумных девах). Или похожий образ: *приготовление пути* (как в проповеди Иоанна Крестителя). Последняя реальность для Бонхеффера — никак не суд собственной совести, кантовского «нравственного закона в моем сердце» и не суд «общих устоев», а действительное, прямое действие Божье. Установление статических, постоянно действующих, автономных разграничений добра и зла он понимает как прямое следствие грехопадения, вкушения от древа познания добра и зла. В изложении *христианской* этики никакой *метод* в принципе не

применим: «Метод есть путь от “предпоследнего” к “последнему”, приготовление пути есть путь от “последнего” к “предпоследнему”» (*Этика*, с. 153-154).

Из узурпации суждения о добре и зле следует, по Бонхефферу, антропологическая ошибка нашей цивилизации, которая может непомерно превозносить человека — и так же неслыханно его унижать, как в тоталитарной системе, чему он был свидетелем. «Подлинный человек — это не предмет презрения или обоготворения, но предмет любви Бога. ... Во Христе был заново сотворен образ человека перед Богом» (*Этика*, с. 72, 74).

Христианской этике как тому, что «оформляет» (дает форму) существованию такого подлинного, заново сотворенного человека в мире и в истории многие годы была посвящена мысль Бонхеффера.

«Этика» не была завершена Дитрихом Бонхеффером. Читатель узнает историю текста, который впервые издается на русском языке, из предисловия его немецкого издателя. Первое русское издание «Этики» — большое событие для нашей культуры. Этим изданием открывается проект издательства ББИ, в который входят еще 3 тома его сочинений. Мысль, жизнь, свидетельство Дитриха Бонхеффера — это то, в чем, я убеждена, мы нуждаемся чрезвычайно. Вслед за этими краткими заметками об «Этике» я предлагаю читателю более общий очерк, сосредоточенный именно на этом аспекте: «Дитрих Бонхеффер для нас».

*Ольга Седакова,
19 сентября 2012 г.*

ДИТРИХ БОНХЕФФЕР ДЛЯ НАС

I

Дитрих Бонхеффер (1906 – 1945) – один из самых значительных и широко обсуждаемых протестантских богословов XX века, пастор, участник антигитлеровского Сопротивления, казненный 9 апреля 1945 года, за месяц до капитуляции нацистской Германии. Два последних года жизни он провел в заключении, откуда и писал свои письма друзьям и родным, которые теперь переводятся на множество языков и обсуждаются по всему миру. Выбор исповеднического пути следует из самой богословской мысли Бонхеффера; с другой стороны, такой опыт и питает его «новое богословие».

Дитрих Бонхеффер родился 4 февраля 1906 года в Бреслау (ныне Вроцлав) в семье профессора Карла Бонхеффера, известного психиатра. Он был шестым ребенком в семье, после него родилось еще двое. По материнской линии семья была связана с известными живописцами фон Калкройтами (смерти одного из графов фон Калкройт посвящен великий «Реквием» Р. М. Рильке). В семейное предание входило какое-то отдаленное родство с Гете. Музыка (в письмах из тюрьмы Бонхеффер приводит по памяти нотные цитаты из Бетховена и Шютца), литература, живопись, естественные науки – всем этим богатым составом своей душевной жизни Бонхеффер обязан домашнему наследству. Его близкие друзья выросли в той же атмосфере. Творческая гуманитарная культура была для них пространством общения не меньше, чем собственно богословские темы. Культивированная человечность естественно принимает форму классической дружбы. О христианской ценности дружбы – и о христианской ценности свободной культуры – Бонхеффер не перестает размышлять в тюрьме: «У брака, труда, государства и Церкви имеются конкретные божественные мандаты, а как обстоят дела с культурой и образованием? ...Они относятся не к

сфере повиновения, а к области свободы... Тот, кто пребывает в неведении относительно этой области свободы, может быть хорошим отцом, гражданином и тружеником, пожалуй, также и христианином, но будет ли он при этом полноценным человеком (а тем самым и христианином в полном объеме этого понятия), сомнительно. ...Может быть, как мне сегодня кажется, именно понятие Церкви дает возможность прийти к осознанию сферы свободы (искусство, образование, дружба, игра)?»¹.

Бонхеффер дорожил семейной традицией и даже задумывал (в тюрьме) написать нечто вроде «реабилитации бюргерства с позиции христианства» (Указ. изд. С. 112). Он хотел воздать должное сословию «граждан», «горожан», людей профессиональной, семейной и нравственной чести, сословию, преданному культуре, верящему в силу разума и классического гуманистического воспитания (характерно, что в заключении Бонхеффер не расставался с «Жизнеописаниями» Плутарха), уважающему в человеке талант, труд и личную самостоятельность, видящему личную жизнь в перспективе гражданского служения и исторической ответственности. У нас этот образ бюргерства (заслоненный гораздо более известным образом «буржуа», хищного парвеню в духе бальзаковских героев) знаком разве что читателям немецкой прозы позапрошлого века — или тем, кто представляет, в какой мере такие фигуры, как Гете (чей томик, вместе с Библией, сопровождал Бонхеффера до дня казни) или Альберт Швейцер — сыновья своего сословия. Бонхеффер видел, что дорогое ему бюргерство уже уходит, как принято говорить, с исторической сцены (как прежде него ушла аристократия) вместе со своим золотым веком — де-

---

¹ Д. Бонхеффер. *Сопроотивление и покорность*. М.: Прогресс, 1994. С. 153-154. [Здесь и далее даны ссылки на указанное издание. — Прим. ред.]

Все цитаты, и в этом предисловии, и в последующем тексте доклада, привожу по одному изданию — книге «Сопроотивление и покорность», включающей посмертно изданные друзьями Бонхеффера письма из заключения, в прекрасном переводе А. Б. Григорьева. Вступительная статья Е. В. Барабанова позволит читателю увидеть богословскую мысль Бонхеффера в широком контексте протестантского богословия XX века.

вятнадцатым, который Бонхеффер тоже хотел «реабилитировать» (Указ. изд. С. 99). С. С. Аверинцев (а его можно назвать в каком-то смысле наследником этого духа европейского бюргерства, так же как всю российскую «профессорскую» среду, о которой вспоминают выросшие в ней Андрей Белый, Пастернак, Цветаева: *Ваша – сутью и статью / И почтеньем к уму*, – и которую у нас до сих пор как-то не отличили от «русской интеллигенции» вообще, явления другого характера) назвал современное «массовое общество» «капитализмом без бюргерства», иначе говоря – без ведущего культурного сословия.

Однако нет ничего нелепее, чем представить Бонхеффера консерватором, ностальгирующим по утраченным устоям или «корням». Бонхеффер принимает новые времена (радикальную новизну которых он чувствовал так сильно именно благодаря своей наследственной укорененности в истории) с их «беспочвенностью», «безрелигиозностью», «бунтом посредственности» и другими пугающими чертами как новую эпоху мировой истории, которую он всегда понимал не иначе как историю священную, то есть раскрытие воли Божьей, своего рода развернутый во времени Апокалипсис (естественно, с акцентом на *Откровении*, а не на «конце света» как финальной катастрофе, как это привыкло понимать сектантское сознание). Ту же идею «родной истории», развертывающейся как Откровение и начатой Рождеством Христовым, мы встречаем у Пастернака (в романе «Доктор Живаго» ее развивает дядя героя, философ Веденяпин)². В этой эпохе «взрослого человечества» он видит новую задачу для христианства и новую историческую эпоху церкви.

Не будем здесь обсуждать, можно ли нынешнее состояние человечества в самом деле понимать как «взрослое» и «безрелигиозное» в бонхефферовском смысле. Сам Бонхеффер с

---

² Это совпадение не кажется случайным. Русская религиозная мысль (а герой Пастернака задуман как ее представитель) оказала большое влияние на старших современников и учителей Бонхеффера, немецких богословов «Диалектической теологии».

удивлением наблюдал в тюрьме, сколько «религиозности» в его товарищах по несчастью, сколько вполне архаичной веры в магию и вмешательство потусторонних сил по принципу *Deus ex machina*. Вероятно, тезис об имманентной религиозности человека, с которым спорил Бонхеффер, все-таки справедлив: «религиозность» принадлежит не «детству человечества», а человеку вообще — как существу, в саму природу которого входит интуиция «другого мира» и насущная потребность связи с ним. Вопрос только в том, какого рода связь в каждом случае предполагается — и в каком отношении эта природная *религиозность* состоит с христианской *верой*. По разнообразным движениям современности типа *New Age* мы видим, что «религиозность» отнюдь не покидает человека и в век высоких технологий и как будто торжествующего материализма; она только принимает все более примитивные и вырожденные формы, лишённые древней поэзии и глубокой символики, известной традиционным религиям. Но ещё существеннее, чем то, что эти новые формы «религиозности» в культурном отношении обычно порождают только вопиющий китч, эстетический и интеллектуальный, нечто другое. И это другое как раз объясняет их культурную бездарность. Дело в том, что из этих форм «религиозности» полностью уходит практика *благодарения, жертвы, служения*, без которых непредставимы *все* древние религии³ — и непредставима творческая культура. Уходит, по существу, и *богословие* как труд особого (молитвенного, созерцательного) узнавания о божественном, умственного приобщения к нему. В том «сверхъестественном», с которым имеет дело новейшая «религиозность», созерцать и познавать нечего, важно другое: как *эффективно*⁴ с

---

³ С восхищением Бонхеффер читает в тюрьме исследование В. Ф. Отто «Боги Греции», где классическое греческое язычество понято как «мир, вера которого вышла из богатства и глубины жизни, а не из ее забот и тоски». Указ. изд. С. 245.

⁴ Это замечательное слово нашей актуальности приобрело последнюю определенность, когда «эффективным управлением» стали называть сталинское массовое истребление населения. *Эффективное* — значит достигшее результата по ту сторону добра и зла.

ним обходиться. Эта «религиозность» сводится в конце концов к самому грубому утилитаризму, к откровенному желанию пользоваться «сверхъестественным» (иногда еще и к поискам магических и паранаучных техник для овладения его «силой»), а не любить его и служить ему.

В этом смысле мы можем понять Бонхеффера, когда он говорит, что позиция «взрослого», «безрелигиозного» человека благороднее и по существу ближе христианству. В этом смысле он говорит о том, что Христос освобождает человека от «религиозности»: от рабского, низкого и лукавого отношения с неведомым «иным миром», с некоей непроясняемой Силой и Властью, от поиска земного благополучия любыми средствами. Вообще говоря, от идолопоклонства, то есть от того, что представлено как самый гнусный грех человека уже в Ветхом Завете (первая из Десяти заповедей) и тем более — в Новом. За отказ совершить этот грех и проливалась кровь мучеников первых веков христианства. Бонхеффер в конце концов отдал жизнь за это же: за отказ от поклонения идолу «высшей германской расы» и его Вождю, которое требовалось от каждого лояльного гражданина рейха. Никто, как обычно, и не требовал, чтобы жертва идолу («божественному» императору — то есть государству, воплощенному в его персоне, как в Риме, или же «чистоте расы» и божественному Вождю — то есть опять же обожевленному государству, на этот раз национальному, а не имперскому, как в Германии, или же Партии, которой советский гражданин должен был быть «беззаветно предан»), чтобы эта жертва приносилась искренне, от всей души: достаточно было соблюсти внешние приличия, исполнить «формальные условности». Но не сделать этого, не согрешить идолопоклонством или не вступить в обоюдовыгодный сговор со злом и ложью, и значило для Бонхеффера *спасти душу*. О другом, полустороннем *спасении души* он не думал.

Вновь вспомню С. С. Аверинцева. Комментируя последний стих из послания апостола Иоанна: «Чадца, храните себе от треб идольских» — «Деточки, берегитесь служения идолам!» (1 Ин 5:21), Аверинцев спрашивал: почему именно таким уеще-

ванием кончается это великое соборное послание? Да потому, отвечал он, что *всякий* идол требует человеческих жертвоприношений. Тот, кто поклоняется идолу, приносит ему в жертву кровь других, неповинных людей. Дело не в том, что *мы*, принеся жертву идолу, от этого станем хуже (привычное индивидуалистское понимание греха и осквернения), а в том, что, делая это, мы выдаем кого-то *другого*; кто-то другой заплатит жизнью за наше малодушие. Это духовный закон, подобный физическому закону сохранения энергии. Иногда такое человеческое жертвоприношение идолу происходит косвенно и скрыто, так что идущий на компромисс не видит до поры (как гимназист в «Фальшивом купоне» Льва Толстого) или вообще никогда при своей жизни не увидит его последствий в судьбах других. Но в такие эпохи, как германский нацизм или сталинский «Большой террор», принесение миллионов в жертву идолам совершается с полной наглядностью. Вот на это и не соглашается христианская совесть Бонхеффера. «К делу и со-страданию (разделению страдания) призывает христианина не столько собственный горький опыт, сколько мытарства братьев, за которых страдал Христос» (Указ. изд. С. 43). «Приобретение частицы сердечной широты Христа», «жизнь для других» — движущий мотив его поступков и его мысли. Благородство христиан, «царского священства» — одна из его постоянных тем. Возрождение благородства, возрождение «качества» — одна из тех новых задач церкви, которые Бонхеффер видит в наступившей эпохе. Душу спасают, спасая ее свободу и благородство. Принося в жертву правду и достоинство, спасают что-то другое: спасают свою шкуру, как ярко изображает это русский язык. Жуткий образ существования в пустых «спасенных шкурах» — вот путь тех, кто избрал историческую безответственность, настоящих «жертв истории», как назвал их И. Бродский в своей нобелевской речи.

Вернемся к биографии Бонхеффера. Сразу же после окончания гимназии избрав теологию, Бонхеффер получает прекрасное богословское образование в Германии и Риме, в 23 года становится доктором теологии и еще через год — пастором. После нескольких лет, проведенных в Испании, Англии и Америке, он

преподает систематическую теологию в Берлинском университете (вплоть до запрещения в 1936 году), пишет и публикует целый ряд богословских трудов (на русский язык переведен один из них, *Nachfolge*, 1934, «Хождение вслед», которое можно перевести также «Идти за Ним»; название книги основано на евангельских словах: «Оставь все и иди за Мной»). Центральной его темой, вероятно, остается церковь как общение святых (*Sanctorum Communio* из Апостольского символа веры, тема его первого, еще дипломного сочинения) и ее связь с ветхозаветной верой («Молитвослов Библии», *Das Gebetbuch der Bibel*, 1940).

Годы после прихода к власти национал-социализма придали этим темам особую остроту. Евангелическая церковь Германии оказалась в беспрецедентном положении. Отношения церкви и земной власти (государства) в историческом христианстве изначально не мыслились как борьба — по известному евангельскому завету: «Богу Богово, а кесарю кесарево» (речь, как мы помним, шла об уплате налогов), по апостольскому учению о том, что «всякая власть от Бога» и в соответствии с постоянными увещаниями апостолов хранить гражданскую лояльность, поскольку государство оправдано тем, что его назначение — защищать добрых людей от злодеев. Но что делать в том случае, когда власть сама прямо утверждает, что она против Бога и требует отдавать ей вовсе не кесарево, а Богово — и при этом защищает никак не добрых людей от злодеев, а саму себя от своих подданных и собственное право на любое злодейство (как это делала коммунистическая власть у нас)? Или если она не говорит, что она против Бога вообще, но требует всего лишь, чтобы Бог был другим: скажем, германским? Это предложение было принято «коричневым» внутрицерковным движением «Немецких христиан». Победив на церковных выборах 1933 года, это движение провозгласило себя «Евангелической церковью германской нации», которое откроет миру «германского Христа деиудайзированной церкви»⁵. «Деиудайзация» отнюдь не сво-

---

⁵ Цитирую по: Е. В. Барабанов. «О письмах из тюрьмы Дитриха Бонхеффера», в *Сопrotивление и покорность*. М.: Прогресс, 1994. С. 8.

дилась к «арийскому параграфу». Она означала принятие особой, определенно антихристианской мифологии, в которой и Декалог, и Заповеди блаженства, и все евангельские смыслы были абсолютно неуместны. От христианской церкви (пускай даже исключительно «германской нации») требовалось одобрение государственного культа силы и насилия, ненависти и беспощадности к другим, самопревозношения и презрения к законности, воли к власти в планетарном масштабе, полного душевного и умственного закабаления подчиненных, «истинных немцев», «настоящих патриотов». «Верить, слушаться, побеждать!»⁶ — вот чего хотел от человека этот невиданный вплоть до XX века Кесарь. Нужно ли говорить, что теперь, когда мы слышим о «русском Христе», нам предлагается очень похожая, хотя и не во всех чертах совпадающая с «нордической», но от этого не менее антихристианская мифология? То, что Бонхеффер называет «религиозностью», вполне может примириться с инъекцией такого мифа в его скромное благочестие, но то, что Бонхеффер противопоставляет «религиозности», — *вера*, иначе: жизнь по «правде Божией», жизнь «пересотворенного человека», никогда этого не примет.

Направление, взятое Генеральным синодом, вызвало решительное сопротивление некоторых — лучших — богословов и пасторов, объединившихся в 1934 году в «правомочную Германскую евангелическую церковь», вошедшую в историю под именем Исповедующей церкви. Спор понимался не просто как политический и нравственный, но как богословский, доктринальный (Карл Барт). С этим движением с самого начала был связан Д. Бонхеффер. С этого времени вплоть до ареста весной 1943 года он активно участвует в церковном сопротивлении, все глубже уходящем в подполье и все вернее ведущем к неизбежной развязке. «Мы вовсе не рисуем смерть в героических тонах, для этого слишком значительна и дорога нам жизнь», думает об этой развязке (до которой оставалось два года) Бонхеффер. И заключает: «Не внешние обстоятельства, а мы сами сделаем из

---

⁶ Лозунг итальянских фашистов: *Credere, obbedire, combattere!*

смерти то, чем она может быть, — смерть по добровольному согласию» (Указ. изд. С. 47). О мотивах его выбора — сострадании и исторической ответственности⁷ — мы уже говорили.

Опыт жизни в условиях нового режима и то, что этот режим делает с человеческой личностью, Бонхеффер описал в небольшом тексте, написанном для друзей к Рождеству 1943 года, «Спустя десять лет». Этот очерк, я думаю, — одно из самых значительных свидетельств прошлого века. Он написан участником событий — но участником, у которого есть удивительная возможность увидеть все точнее, чем это получится у будущих историков и аналитиков, поскольку он много больше их заинтересован в правде. Особенно важным это свидетельство должно было бы стать для нас. Когда в позднее советское время (не меньше, чем шестьдесят, а то и семьдесят «лет спустя») я читала этот изумительный бонхефферовский анализ разложения социума и человека (чего стоит глава «Глупость», открывающая не интеллектуальный, а нравственный и политический характер этой повальной глупости подрежимного населения!), я не могла не подумать: всё про нас! И до сих пор мне горько, что в нашей стране никто не попытался сделать подобного усилия понять происходящее в его самом общем и самом глубоком, не социальном, а духовном и человеческом измерении. Без такого понимания, как мы уже вполне убедились, выйти из этого состояния и отдельный человек, и социум не могут. Кстати, о выходе. И сейчас, читая последнюю главу, «Нужны ли мы еще?», я думаю: это про нас и для нас:

Мы были немymi свидетелями злых дел, мы прошли огонь и воду, изучили эзопов язык и освоили искусство притворяться, наш собственный опыт сделал нас недоверчивыми к людям, и мы много раз лишали их правды и свободного слова, мы сломлены невыносимыми конфликтами, а может быть, просто стали циниками — нужны ли

---

⁷ «Тот, кто не позволит никаким событиям лишиться себя участия в ответственности за ход истории (ибо знает, что она возложена на него Богом), тот займет плодотворную позицию по отношению к историческим событиям — по ту сторону бесплодной критики и не менее бесплодного оппортунизма». Указ. изд. С. 33.

мы еще? Не гении, не циники, не человеконенавистники, не рафинированные комбинаторы понадобятся нам, а простые, безыскусные, прямые люди» (Указ. изд. С. 47).

Эти слова, я думаю, обладают в нашей нынешней ситуации актуальностью листовки. Необходимость настоящей простоты — не той, что хуже воровства, — простоты цельного существа, наделенного способностью различать дурное и хорошее и делать для себя недвусмысленный выбор. Именно в силу насыщенности опыта Бонхеффера для нас я, не будучи ни в малейшей мере знатоком его творчества и тем более — протестантской теологии XX века, приняла приглашение говорить об этом на Международном Бонхефферовском конгрессе. Текст моего доклада — «Дитрих Бонхеффер для нас» — публикуется ниже.

*Ольга Седакова,
1 сентября 2008, Азаровка*

II

Двадцатый век, который вспоминают чем угодно, но только не этим, был великим веком христианства. Он был веком необычайного богословского возрождения, но прежде всего — он был веком исповедников и новомучеников. В опыте исповедников этот век (который его «обычные жители» провожали совсем без благодарности и с нечеловеческой усталостью¹) стал, можно сказать, епифанией христианства. Это было открытое явление того, что в христианстве — христианское (не гностическое, не стоическое, не укрощено и преобразованно языческое, не неосознанно ветхозаветное, не обыденно ритуальное, не клерикальное). Свидетельства исповедников хра-

---

¹ Эти чувства хорошо выразил русский поэт Владимир Соколов:

*Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных рек.
И не надо мне прав человека:
Я давно уже не человек.*

нят для нас след этого опыта: опыта встречи с чем-то *абсолютно новым и небывалым*. «В дошедших до нас словах и обряде (здесь имеется в виду обряд крещения — О. С.) мы угадываем нечто *абсолютно новое*, все преобразующее...»² Свидетели этого опыта, принадлежащие разным христианским конфессиям (а также остающиеся за пределами церковного христианства, как Симона Вейль), говорят о переживании того, чего с такой силой не чувствовали, вероятно, с катакомбных времен: о явлении христианства как невероятной *новизны*, рядом с которой все прочее выглядит безнадежно ветхим, о явлении его как *начала*, как *будущего*. О явлении христианства как дара *жизни*, рядом с которым все прочее кажется мертвенным, умирающим, умерщвляющим. О том, чем Любимый Ученик начинает свое Евангелие и Первое Послание: «о Слове Жизни: и Жизнь явилась, и мы видим и свидетельствуем...» (1 Ин 1:1-4)³.

К тысячелетию крещения Руси (а это и было начало официальной реабилитации православия в Советском Союзе) С. С. Аверинцев говорил — от лица тех, кто обратился к вере во времена воинствующего атеизма: «Мы увидели христианство не как одну из религий, не как нравственную систему, путь к личной праведности, не как «священную традицию», «веру отцов», не как множество других вещей, которые привычно связывают с жизнечувствием церковного человека, — мы увидели его *просто как жизнь*; никакой другой жизни вокруг не было. Слова Христа: «Я же пришел, чтобы имели жизнь, и

---

² «Мысли по поводу крещения Д.В.Р.», в Бонхеффер. Указ. изд. С. 228.

³ Две эти темы — изумительность, *небывалость* христианства и Иоаннова тема *жизни* — составляют лейтмотив бесед патриарха Афинагора, записанных Оливье Клеманом (Оливье Клеман. *Беседы с патриархом Афинагором*. Пер. с фр. Владимира Зелинского. Брюссель, 1993) Ср.: «Христианство не состоит из запретов: оно есть жизнь, огонь, творение, озарение». Указ. изд. С. 166. Афинагор, проживший долгую и внешне благополучную жизнь, не принадлежал к числу гонимых и мучеников XX века; его опыт — опыт монашеского молитвенного созерцания. «Открытие» христианства в минувшем веке происходило в разных обстоятельствах.

имели с избытком» (Ин 10:10) мы слышали не как обещание, а как прямую констатацию факта». Аверинцев, великий знаток истории, закончил эту речь трезвым предупреждением: «И это время пройдет. Времена эсхатологического приближения сменяются другими. Но будем помнить, что мы это знали тверже, чем что-нибудь: что христианство — это жизнь. И тогда, когда о христианстве будут вновь думать иначе, мы этого не забудем»⁴.

Он угадал. Можно заметить, что теперь в России о христианстве, о православии, о церкви думают и говорят по преимуществу иначе. Но мы помним: нам все это являлось как «жизнь, и жизнь с избытком». И потому нам так ясен Бонхеффер.

Речь шла не о той «вечной жизни», под которой привычно понимают некую «вторую, иную жизнь» (потустороннюю, посмертную — или же «внутреннюю»), а о жизни здесь и сейчас, об избавлении от смерти, которая действует здесь и сейчас (а не о той, которая ждет нас где-то в конце земных дней). «Ни в чем другом жизни не было», сказал Аверинцев о поздних советских годах. «Все доступные альтернативы современности представлялись (нам) равно невыносимыми, чуждыми жизни, бессмысленными», пишет Бонхеффер в 1943 году о мире другого торжествующего тоталитаризма⁵. Итак, не «жизнь после жизни», не «праведная жизнь» — а просто и единственно: жизнь. Воздух. Пространство. Во всем другом нечем дышать. Другое — теснота, пустота, бессмыслица. Ср. у Бонхеффера: «Вера же есть нечто целостное, жизненный акт. Иисус призывает не к новой религии, а к жизни»⁶. И — к жизни в *этом* мире, каким он стал «спустя десять лет» (в Германии, а в России — спустя все семьдесят) после прихода к власти нечеловеческого зла, как будто спущенного с цепи.

⁴ Я цитирую выступление С. С. Аверинцева на открытии Зала религиозной литературы в Библиотеке иностранной литературы (Москва, 1989) на основании собственной дневниковой записи.

⁵ «Спустя десять лет», в Бонхеффер. Указ. изд. С. 26.

⁶ «Письма другу». Указ. изд. С. 268.

Невыносимость «мира» и «мирского» — не новость для христианской души разных эпох. Взыскательные и взысканные души всегда это знали. Освенцимов и ГУЛАГов для такого знания вовсе не требуется. Любить правду Божью и одновременно принимать (или хотя бы извинять) порядки «мира сего» вряд ли возможно. Найденное со времен египетского монашества решение здесь известно — это религиозное отречение, уход от мира (в разных формах, в том числе, во «внутреннюю жизнь»). И прежде всего — уход от самого мирского в мире: от социальности, от участия в политической жизни, понятой как игра мирских страстей, поле действия «князя мира сего». Но это значит: уход от истории — или, точнее, противостояние ее ходу. Преимущественно сдерживающая, охраняющая позиция церкви веками представлялась совершенно естественной — однако что как не христианство некогда пустило в ход все движение эпохи, которая именуется «нашей эрой» и ведет счет «от Рождества Христова»?⁷ Само представление об истории как о содержательном движении человечества во времени, которым мы располагаем как чем-то само собой разумеющимся, создано христианством.

Ничего характерно христианского в уходе от «мира» к аскезе нет. Это движение, это отделение части особых, «других», «посвященных», призванных к особому очищению души людей известно всем религиям, всем культурам. Индуистский отшельник и греческий киник, буддийский монах и пифагореец подвижны такой тягой — к чистоте и глубине от суеты, пустоты и страстей «профанной» жизни. Катастрофы XX века с необычайной ясностью напомнили другое: христианство не уводит из мира, а приводит в мир. «То, что не от мира сего, стремится

---

⁷ Об этом вспоминают современные западные критики христианства, которые именно в нем, в том «расколдовывании мира», которое с ним пришло, в его «победе над природой» видят источник той цивилизационной активности, которая ведет нас к экологической катастрофе. Этой критике отвечает греческий богослов Иоанн Зизиулас, митрополит Пергамский.

в Евангелии стать чем-то *для* этого мира; и я понимаю это не в антропоцентрическом смысле либеральной, мистической, пиетистской, этической теологии, но в библейском смысле, явленном в сотворении мира и боговоплощении, в крестной смерти и воскресении Иисуса Христа»⁸.

Речь идет «просто» о жизни (а не о специальном «религиозном» роде жизни) — но это значит о *всей* жизни, а не только о ее «религиозном участке»: о жизни в науке и творчестве, в браке и дружбе, о жизни внешней и внутренней, интеллектуальной и гражданской, интимной и публичной; о жизни, как говорит Бонхеффер, не только в слабости и неведении (когда обыкновенно и вспоминают о Боге), но и в силе и в знании; не только за пределами разума, но внутри его самой напряженной работы; не только на краях жизни, но в самом ее центре.

К этому открытию «просто жизни» Бонхеффер добавляет еще одно важнейшее прояснение. Речь идет к тому же «просто» о человеке (а не о человеке набожном, праведном и т. п.): «Христос творит в нас не какой-то тип человека, но просто человека»⁹. «Просто человека», человека вполне одушевленного и живого, в нас в наличии нет. Его требуется творить. И когда он в действительности творится, возникает нечто необычайное: то, что и можно назвать человеком. И это, как в случае с «просто жизнью», предполагает: речь идет обо *всем* человеке.

Так в советские годы мы имели возможность видеть, как верующие люди выглядели среди окружающих — в точности оправдывая древние слова — словно ожившие люди среди статуй. Они отличались от других не тогда, когда соблюдали молитвенное правило и посты и посещали богослужения (этого другие, как правило, и не видели, это делалось часто тайком и от домашних): они отличались в каждом своем движении и взгляде. Они

---

⁸ «Мысли по поводу крещения Д.В.Р.». Указ. изд. С. 206.

⁹ «Письма другу». Указ. изд. С. 267.

были совсем живыми. У них была другая мера вещей. Они были свободней — и потому несравненно умнее других; их не захватывала та эпидемическая глупость, которую так замечательно опознал Бонхеффер: глупость, которую, его словами, «преодолеть можно не актом поучения, а только актом освобождения»¹⁰. В них не было тысячи предвзятостей и страхов, определявших существование других (в точности наоборот привычному: ведь именно «религиозные» люди для человека живого ума, типа Гете, представлялись — и, увы, справедливо — самим воплощением предвзятости, неполной искренности и узости).

Наконец, в них была *сила*. Тысячелетие размышляя и напоминая человеку о его немощи и брэнности, христианская культура слишком редко вспоминала о христианстве как о *силе*. Об этом напомнили времена испытаний. Системы, подобные сталинской или гитлеровской, овладевали статистическим человеком не через его злобу, а через его слабость (в которой Бонхеффер видел опасность большую, чем в злобности в чистом виде, вещи довольно редкой среди обычных людей). Через его слабость овладевает человеком и новая анонимная власть — власть цивилизации, которую называют потребительской или массмедийной.

«Христос делает людей не только “добрыми”, но и сильными», говорит Бонхеффер¹¹, перекликаясь со стихами Псалма «Даст Господь силу и крепость людям своим» (Пс 67:36) и множеством событий, рассказанных в Св. Писании и составляющих историю христианства в последующие века: больше того, сама эта сила понималась как «доказательство Его пришествия»¹². Мы стали свидетели явления такой «силы и крепости», совершающей невозможное, когда один человек, недавний зэк Александр

¹⁰ «Спустя десять лет». Указ. изд. С. 35.

¹¹ «Письма другу». Указ. изд. С. 290.

¹² «Не видишь ли, что чем большее число их (христиан) подвергается казням, тем более увеличивается число других. Это не дело человеческое, это есть сила Божия, это доказательство Его пришествия». «Послание к Диогнету», 5, в *Ранние Отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты. Антология*. Брюссель, 1988. С. 595.

Солженицын выступил против всей невероятно мощной системы — и победил ее, создав «Архипелаг ГУЛАГ».

Со всей простотой явилась и еще одна из «первых вещей» христианства: *свобода*. Христос, приходящий, по слову Пророков, «освободить пленников от оков и вывести заключенных из темниц», как это всегда пелось в рождественских песнопениях — но привычно понималось в спиритуализованном смысле: ведь и окружающая жизнь только в переносном, «духовном» смысле могла быть увидена как тюрьма. Но здесь тюрьма была совсем вещественной, и освобождение требовалось не метафорическое¹³. *Свобода* переживалась в своей изначальной связи с *душой* (а в библейском языке *душа* значит *жизнь*) и *спасением*. Думая о собственной жизни и призвании, Бонхеффер не раз вспоминает удивительные слова пророка Иереми: «Ты просишь себе великого: не проси; ибо вот, Я наведу бедствие на всякую плоть, говорит Господь, а тебе вместо добычи оставлю душу твою во всех местах, куда ни пойдешь» (Иер 45:4-5). Спасение свободной души (жизни), сохранение сердца («Храни сердце свое пуще всего, ибо из него исходит жизнь», Притч 4:23) — в этом единственно он видит духовное задание своего поколения. Так, я думаю, могли бы сказать о своей жизни и те, кто отказывался от сговора со злом в советской России. Такого рода *спасение души, хранение сердца* часто стоило жизни и всегда — социального благополучия. Другие, великие дела, когда прозвучит «новый язык, возможно вообще нерелигиозный, но он будет обладать освобождающей и спасительной силой, как язык Иисуса... язык новой праведности и новой истины»¹⁴, Бонхеффер оставляет будущим поколениям.

¹³ Ср. размышления Бонхеффера о смысле Адвента (шестинедельной подготовки к Рождеству в западной традиции) в письме от 21.11.1943 г.: «Тюремная камера, надо сказать, подходящее место для сравнения с тем, что происходит во время Адвента: ждешь, надеешься, делаешь то да се (в конечном счете чепуху), а дверь заперта и открывается только *снаружи*». Бонхеффер. Указ. изд. С. 121.

¹⁴ «Мысли по поводу крещения Д.В.Р». Указ. изд. С. 229.

Все эти вещи в их радикальной новизне, в их преображенности Христом — жизнь, человек, свобода, сила, ум, благородство, история, гражданство — были заслонены в христианской истории совсем другими темами размышлений и практик. Нелепо отрицать их глубину, значительность и богатство, но во времена испытаний не это было «единым на потребу». Замечательно отталкивание Бонхеффера от анализа «психических глубин», «тайников души» человека, от интроспекции. Он замечает: «“Сердце” в библейском понимании — это не “глубина души”, а весь человек, такой, каким он стоит перед Богом»¹⁵. В этом непсихологическом — в его словах, «мирском» повороте (и в самом деле, очень отличном от разработанной монашеской практики *хранения сердца, filake tes kardias*) — он хочет осмыслить важнейшие категории христианства: грех, покаяние, обращение, аскезу. Для «новой простоты», для простоты прямодушного и цельного желания «идти вслед» (одна из основных идей Бонхеффера; православная традиция предпочитает здесь говорить не о «подражании» или «следовании», а о *причастности* Христу) человеку требуется не разбираться в себе, а забыть о себе начисто, говорит Бонхеффер. Как и вообще это требуется для исполнения любого дела, хотя бы мытья посуды. Присутствовать целиком в данном задании — вот и все, что стоит помнить.

Чтобы такая первая простота христианства открылась, должно было случиться многое. Должна была произойти историческая катастрофа. Христианская традиция была изъята из «порядка вещей», которому она, по всей видимости, принадлежала в Европе полтора тысячелетия — так, что это внушало мысль о «христианских корнях Европы», надежных, прочных корнях¹⁶, о бесперебойном наследовании веры от отцов к де-

¹⁵ «Письма другу». Указ. изд. С. 258.

¹⁶ Как неожиданно заметил московский священник о. Димитрий Акинфиев: «Христианские корни Европы? Но у Европы ведь нет христианских корней!» «А у кого же христианские корни?» — спросила я. «Ни у кого. У христианства и нет корней. Оно выросло на библейском корне, а народам привито, как диким маслинам. А корни у Европы языческие».

тям. И вот полтора тысячелетия благополучного существования церквей в «христианском мире», в среде «христианских народов» и «христианских государств» подошли к концу, и конец оказался скандален. Начало этого конца, вероятно, — антицерковная битва Французской революции, следы которой мы можем и теперь наблюдать: в виде изувеченных и разбитых статуй, в хрониках уничтоженных монастырей... Впервые после крещения народов церковь оказалась гонимой «своими», наследниками и воспитанниками той же традиции, причем с пафосом своего рода религиозным. «Свои» (а в России это гонение далеко превзошло французский размах) оказались беспощаднее язычников римских времен. По предварительным подсчетам (данные Комиссии по канонизации российских новомучеников), число уничтоженных в СССР по религиозным статьям с 1918 по 1939 год составило около миллиона человек. Это значит, что число тех, кто прямо или косвенно участвовал на стороне гонителей, было значительно больше.

Бонхеффер, как позднее папа Иоанн Павел II, как многие гонимые священники и епископы Русской православной церкви (сошлюсь хотя бы на о. Сергия Савельева), как Вселенский патриарх Афинагор¹⁷, хотел видеть ответственность самой церкви за все происшедшее. В конечном анализе, он видел ее в том, что «церковь, борющаяся только за свое самосохранение (как будто она и есть самоцель), не в состоянии быть носителем и спасительного слова для людей и мира»¹⁸. Таков же диагноз и названных выше свидетелей XX века. Другой образ церкви, ушедший в давнее предание, описанный «учеником апостольским», является как актуальная реальность: «Христиане не различаются от прочих людей ни страной, ни языком, ни житейскими обычаями. ...Но обитая

---

¹⁷ «Но что мы сделали из христианства? Религию закона и самодовольства!», в Клеман. Указ. изд. С. 167.

¹⁸ «Мысли по поводу крещения Д.В.Р.», в Бонхеффер. Указ. изд. С. 228–229.

в эллинских и варварских городах, где кому досталось, и следуя обычаям тех жителей в одежде, в пище и во всем прочем, они представляют *удивительный и поистине невероятный образ жизни*». Далее апологет описывает этот невероятный образ жизни, в который входит, например, такое: «их оскорбляют, а они воздают почтением; они делают добро, но их наказывают, как злодеев; будучи наказываемы, радуются, как будто им давали жизнь». И заключает: «Словом сказать: что в теле душа, то в мире христиане. ...Душа заключена в теле, но сама содержит тело...»¹⁹. К такой *душе мира* принадлежал Бонхеффер и его друзья, мать Мария (Скобцова) и ее соратники... Все, кто не согласился погубить душу — свою, *и, значит*, душу мира.

Но гонимой могла быть не только церковь как институция и вера как принадлежность церковной традиции (как это было в коммунистической России). Гонению подвергалось собственно христианское и — в определенном смысле — человеческое: в том смысле, в каком О. Мандельштам говорил о «высоком племени людей»²⁰. Особенно странный образ это бого- и человекоборчество принимало там, где отношение государственной власти к церкви принимало форму не борьбы на истребление, а допущения на определенных условиях, компромисса или конкорданса (как это было в Германии, в муссолиниевской Италии, в позднесталинском Советском Союзе). Устой человеческого и обжитого мира, его этические и рациональные основания рушились перед глазами очевидцев. Описание различий «прежнего», человеческого мира, где, словами Пастернака, «любить было легче, чем ненавидеть», — и мира нового, «чрезвычайного», в котором господствует откровенное Зло, а насилие, предательство, ложь, всеобщее недоверие друг другу и подозрительность (своего рода презумпция вино-

¹⁹ «Послание к Диогену», 5, в *Ранние Отцы Церкви*. Указ. изд. С. 596–597.

²⁰ *За гремящую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов
И веселья, и чести своей.*

ности, характерное свойство социальных парий, по наблюдению Бонхеффера) вошли в порядок вещей, удивительно совпадают у Бонхеффера и Пастернака²¹. Оба они знали два этих мира на опыте: в первом они выросли и сложились и навсегда несли его в себе — но действовать они были призваны во втором. Для тех, кто родился в Германии и России позже них, «прежний мир» мог быть известен только из преданий — и к тому же запретных (официальный миф «прошлого» был совсем иным).

Обозревая неисчислимые потери, беспочвенность, бесчеловечность, «безрелигиозность» нового мира, Бонхеффер не призывает «назад к корням», а в каком-то смысле благословляет эти времена: «Я могу сказать, что не хотел бы жить ни в какое другое время». Почему? «Еще никогда мы не чувствовали гневного Бога так близко, и это благо», пишет он в ноябре 1943 года²²; в мае 1944-го: «Яснее, чем в какие-либо другие времена, мы познаем, что мир — в гневных и милостивых руках Божиих»²³. Слова Псалмов и Пророков приходят ему на память в связи с происходящим как самые точные описания злободневности²⁴. Стихи о гневе и разрушении, за которым следует примирение и утешение. Он чувствует себя внутри Священной Истории

---

²¹ «Принято было доверяться голосу разума. То, что подсказывала совесть, считали естественным и нужным. Смерть человека от руки другого была редкостью, из ряда вон выходящим явлением...» («Доктор Живаго», в Пастернак Б. *Собр. соч.*: В 5 т. М.: Худ. лит., 1990. Т. 3. С. 398). Ср. у Бонхеффера: «Мы постоянно переоценивали значение разума и справедливости в ходе истории... В нашей жизни «враг» по существу не был какой-то реальностью» («Мысли по поводу крещения Д.В.Р.», в Бонхеффер. Указ. изд. С. 226). В другом месте: «Фигура Иуды, столь непостижимая прежде, уже больше не чужда нам. Да, весь воздух, которым мы дышим, отравлен недоверием» («Спустя десять лет». Указ. изд. С. 39).

²² «Письма другу» (Письмо от 27.11.43). Указ. изд. С. 126.

²³ Там же. С. 224.

²⁴ «Каким-то образом станет явной — для того, кто вообще способен видеть — правдивость слов Пс 57:12в и 9:20-21; а слова Иеремии (45:5) нам придется повторять изо дня в день» (Указ. изд. С. 199).

(ведь это и значит — «быть в руках Божиих»). Это катастрофическое настоящее было полно будущим. «Ведь небиблейское понятие «смысл» есть лишь перевод того, что Библия называет «обетованием»²⁵.

Я вспоминала пока рядом с Бонхеффером русские имена матери Марии, С. Аверинцева, А. Солженицына и Б. Пастернака. Но вспомнить можно многих и многих. Существует много документов времен гонений (писем, воспоминаний, дневников), где мы встретим близкие Бонхефферу размышления и прозрения православных исповедников, клириков и мирян. Этот опыт у нас еще не собран и не обдуман.

И вот мы — во всяком случае, хронологически — в том времени, которое для Бонхеффера (и для наших мучеников) было будущим. Православие в России решительно входит в порядок жизни (восстанавливая то положение вещей, о конце которого мы уже говорили). Принимает ли оно наследство катастрофического, эсхатологического христианского века? Звучит ли ожидаемый ими «язык новой праведности и новой истины»? Или этот опыт действителен только на своем месте, там, где мир рушится и человек видит лицом к лицу вещи такими, как они есть? И может спросить, как Бонхеффер: «Нужны ли мы еще?» И ответить, как он: «Достанет ли нам внутренних сил для противодействия тому, что нам навязывают, останемся ли мы беспощадно откровенными в отношении самих себя — вот от чего зависит, найдем ли мы снова путь к простоте и прямоте»²⁶.

Что же нам теперь навязывают, можно спросить? То, что всегда: примирение с «невозможностью невозможного», с «необходимостью необходимого», с «ничего не поделаешь!» — с покорностью смерти, одним словом: смерти в форме непростоты и криводушия. Но другого — кроме простого

---

²⁵ Там же. С. 289.

²⁶ «Спустя десять лет». Указ. изд. С. 48.

и прямого — пути к тому, чтобы стать «человеком, которого творит в нас Христос», нет. Об этом не переставая говорит едва ли не единственный у нас широко слышный голос, отвечающий опыту исповедников XX века, — голос великого православного проповедника послекатастрофических лет, митрополита Сурожского Антония, не позволяющий своему слушателю (а теперь читателю) успокоиться на комфорте «религиозного».

Ольга Седакова,

2008

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА РУССКОГО ИЗДАНИЯ

Дитрих Бонхеффер не успел завершить «Этику», поэтому немецкое издание представляет собой реконструкцию, сделанную на основании нескольких рукописей (не всегда завершенных) и более сотни заметок на отдельных листках. В переводе мы стремились сохранить этот элемент незавершенности, не «улучшая» исходный текст ради стилистической безупречности.

Над российским изданием работала группа переводчиков, что, как мы надеемся, позволит создать определенный стереоскопический эффект. В целом соблюдалось единство терминологии, за некоторыми исключениями: *das Gute* в зависимости от контекста переводилось как благо и как добро, *die Gnade* в главах 3, 9, 10 переводилось как милость, в остальных главах — благодать. Для перевода не имеющего точного эквивалента в других языках понятия *die Gestalt*, включающего в себя значения образа, формы, значимой структуры, использовались два варианта — образ и форма. Именно многозначность этого понятия позволила Бонхефферу рассматривать христианскую этику как *Gestaltung*, т. е. как действие, предполагающее процесс придания формы, процесс формообразования, сообразование с формирующим образом Христа.

Справочный аппарат (предисловие и послесловие издатель, примечания и указатели) представлен с некоторыми сокращениями, дабы сконцентрировать внимание читателя на тексте Бонхеффера, не перегружая издание излишними подробностями, значимыми лишь для немецкого читателя.

Светлана Коначева, д-р филос. наук,
профессор кафедры современных проблем философии
философского факультета РГГУ.

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

I

«Позвольте мне, пожалуйста, снова занять немного Вашего времени, главным образом для того, чтобы действительно предпринять все от меня зависящее для скорейшего прояснения моего дела... Вы понимаете, глубокоуважаемый господин Верховный военно-судебный советник, что в силу моей профессии, а также касательно моих близких, равно как и в чисто личном отношении мне крайне важно выяснить, действительно *ли* в данном случае имели место ошибки и, если да, то *с чьей* стороны. По Вашим словам наличествует подозрение, что мое освобождение [от воинской службы] служило тому, чтобы отвлечь от меня Тайную государственную полицию, которая в сентябре 40-го года наложила запрет на мои публичные выступления и обязала меня регулярно отмечаться...

[При этом] ради того, чтобы избежать повода для любых дальнейших конфликтов, я уединился в Баварских горах, погружившись в серьезную научную работу. Я добросовестно уведомил об этом государственную полицию и ничего больше не опасался. Поскольку со стороны церкви мне было сообщено об определенном интересе в том, чтобы за моей книгой “Следование за Христом” последовало изложение “конкретной евангелической этики” и поскольку я с давних пор занимаюсь прежде всего научным богословием, то и в церковном отношении я был вполне удовлетворен моей тогдашней деятельностью»¹. Так Дитрих Бонхеффер, заключенный военной следственной тюрьмы Тегель, писал, обращаясь к своему следователю, верховному военно-судебному советнику д-ру Манфреду Редеру. Он допрашивал Бонхеффера в Берлинском имперском военном суде в апреле-августе 1943 г. Бонхеффер же пытался край-

---

¹ Лето 1943, *DWB* 16, 408-410.

не осмотровым образом сокрыть от него тот факт, что все трое арестованных 5 апреля 1943 г. члена семьи Бонхеффера (он сам, его сестра Кристина и прежде всего ее муж Ганс фон Донаньи) были посвящены в заговор против Гитлера и участвовали в нем. Поэтому в тщательно выстроенную систему своих объяснений он включил истинные и важные высказывания. Он действительно работал над «конкретной евангелической этикой», которая должна была дополнить его «Следование за Христом»².

В первом, тайком доставленном из тюрьмы Тегель, письме Бонхеффера Эберхарду Бетге от 18 ноября 1943 г. значилось: «Лично я упрекаю себя самого в том, что не закончил Этику (судя по всему, ее частично конфисковали)»³. В декабре он пишет: «Иногда мне кажется, что, собственно говоря, моя жизнь осталась уже позади и мне остается только закончить мою Этику»⁴. Все время своего заключения он занимался вопросами своей «Этики», например темой «Верх/Низ» при написании фрагментов драмы летом 1943 г., а затем в начале 1944 г. он рассматривал «19 в. в Германии», что предполагало хорошее знание Дильтея⁵. Его отец Карл Бонхеффер в одном из своих писем к Эберхарду Бетге заметил, что Дитрих Бонхеффер «сейчас», т. е. в сентябре 1944 г., «для своей Этики» изучает Дильтея⁶. Когда Бонхеффер в августе 1944 г. описывал «ревизию христианства» в рамках задуманной им «не более чем стостраничной» работы, в ответ на просьбу Бетге он заявил, что эта небольшая

² См. с. 438 в настоящем издании.

³ 18.11.1943, WEN 147.

⁴ 15.12.1943, WEN 182.

⁵ Ср. 2.2.1944, WEN 229. Изучение Бонхеффером книг Вильгельма Дильтея одновременно рассматривают Кристиан Греммельс (Gremmels, *Mündigkeit*) и Эрнст Файль (Feil, *Die Theologie Dietrich Bonhoeffers*, 355-368).

⁶ 30.7.1944, WEN 409. Дитрих Бонхеффер читал тогда книгу Дильтея «Мировоззрение и исследование человека со времен Возрождения и Реформации», которая является сборником отдельных статей, написанных им в 90-х годах XIX века.

работа будет «своего рода преамбулой и частично предвосхищением более крупной»⁷, т. е. его «Этики».

В богословско-церковной биографии Бонхеффера «Этика» становится попыткой вывести актуальную богословскую концепцию из познанного и выстраданного им самим. В этике он видел «дело всей своей жизни»⁸. Рукописи «Этики» свидетельствуют о том, как тяжело шла работа над новой концепцией, которая должна была дать толчок развитию богословия и одновременно наметить приемлемую перспективу жизни в послегитлеровской Германии и Европе.

Во время работы над «Этикой» 5 апреля 1943 г. Бонхеффер и был арестован. Заметки, которые Бетге обнаружил на письменном столе Бонхеффера, созданные начиная с 1940 г. наброски «Этики», а также рукопись, над которой Бонхеффер работал в последнее время и которая на какое-то время оказалась в гестапо, были спрятаны и смогли пережить сумятицу и тревоги последних лет существования Третьего рейха. Бетге рассказывает о времени сразу после войны: «Чувством, которое переполняло меня, было почти нетерпеливое ожидание: поскорей бы друзья и богословское сообщество смогли прочитать о том, чего Бонхеффер смог достичь... в особых условиях нацистского режима», о его попытках прорваться в неизведанное!⁹ Уже в августе 1945 г. на церковной конференции в Трейзе, куда Бетге приехал вместе с Отто Дибелиусом¹⁰, ему удалось наладить контакты с издательством Х. Кайзера. Будущий глава издательства Фриц Биссингер из-за отсутствия налаженной системы общественного транспорта вынужден был добираться до места проведения конференции на груде угля в вагоне товарного поезда.

В разборе и расшифровке рукописей при их подготовке к печати Бетге сопровождало «нетерпеливое внимание» со сто-

---

⁷ 23.8.1944, WEN 428, а также набросок его работы WEN 413.

⁸ E. Bethge, *Dietrich Bonhoeffer* (=DB), 804.

⁹ E. Bethge, *In Titz*, 250-251.

¹⁰ Ср. E. Bethge, *Otto Dibelius*, 187.

роны родителей Бонхеффера, Карла и Паулы. «Они оба постоянно спрашивали, насколько я продвинулся в своей работе. Они вполне отдавали себе отчет в том, насколько важна была Дитриху его «Этика»»¹¹. Живой интерес выказывали старший друг Дитриха Бонхеффера епископ Чичестерский Джордж Белл и вдохновленный его примером епископ Берлина Отто Дибелиус, назначивший тогда Бетге своим референтом. В предварительном структурировании фрагментов «Этики» и составлении общего текста прежде всего помогала г-жа Анни Линднер. Книга была издана в 1949 г. Предисловие Бетге датировано 9 апреля 1948 г., днем третьей годовщины смерти Бонхеффера.

В отличие от процесса написания Бонхеффером в Финкельвальдской семинарии «Следования за Христом» (*Nachfolge*) в 1935/37 гг. следить за возникновением рукописи «Этики» Бетге мог лишь спорадически, непостоянно. Однако еще из «Следования» ему было известно, что «книги Бонхеффера строились не в соответствии с неким твердым и неизменным планом: от главы к главе. В единое целое они складывались постепенно, вырастая из множества отдельных размышлений»¹². Рукописи, из которых некоторые не были закончены, а другие, будучи задуманными, и вовсе остались ненаписанными, при подготовке книги к печати необходимо было расположить осмысленным образом. В одной из заметок Бонхеффера по поводу «Этики» Бетге распознал заглавия целого ряда имеющихся рукописей. Анни Линднер, пронумерировавшая беспорядочные записи, присвоила этой записи номер 38. В первом издании «Этики» Бетге и ориентировался на тот по-

---

¹¹ E. Bethge, *In Zitz*, 252. Прежде всего в рукописи «Естественная жизнь» Дитрих Бонхеффер занимался проблемами, с которыми его отец Карл Бонхеффер, будучи врачом, столкнулся в Третьем рейхе. См. с. 208-211 (Принудительная стерилизация), а также с. 303. Одна из немногих ранних рецензий на «Этику» была опубликована в 1950 г. в девятом номере журнала «Невролог».

¹² E. Bethge, *Предисловие 9 апреля 1948 г.*, напечатано в отредактированном издании Э.⁶, 11-12.

рядок рукописей, который обозначен в заметке № 38. Но тем самым была каталогизирована лишь часть имеющихся фрагментов. Оставшиеся Бетге упорядочил в соответствии с последовательностью, в которой они согласно его тогдашним предположениям были написаны. Он предостерегал читателей: «Эта книга не является той «Этикой», какую намеревался опубликовать Дитрих Бонхеффер». Это только ее части, «которые, оставшись несистематизированными, были спасены от конфискации [гестапо] и которые удалось извлечь из подземного тайника в саду»¹³. Но все же в 1948/49 г. он был убежден, что смог предложить общественности наличествующие части единого целого, фрагменты посвященной этике книги Бонхеффера.

После ее публикации Бетге пришлось сначала пережить «некоторое разочарование, поскольку ни научное сообщество (практически отсутствовали рецензии!), ни широкий круг читателей не удостоили книгу того внимания, на которое я рассчитывал»¹⁴. Возрос (вплоть до уровня жизненного ориентира) интерес к Бонхефферу только после появления его писем и заметок из тюрьмы, на публикацию которых под названием «Сопrotивление и покорность» Бетге вместе с издательством Х. Кайзера решились в 1951 г. Пожалуй, никакая другая книга никакого другого немецкого богослова не нашла такого распространения в мире как среди христиан, так и за пределами церкви¹⁵. Благодаря этому стал стремительно расти и интерес к «Этике».

При подготовке шестого издания «Этики» уже всюду велась «дискуссия о приведшем к появлению писем из тюрь-

---

¹³ E. Bethge, *Предисловие 9 апреля 1948 г.*, Э.⁶, 11.

¹⁴ E. Bethge, *In Zitz*, 253.

¹⁵ Ср. высказывание Анрэ Дюма (из изданной в 1979 г. Г. Э. Тёдтом и содержащей письма и выступления, посвященные Эберхарду Бетге, книги «*Wie eine Flaschenpost*», с. 127): «Рожденные в ночи и тумане, его письма появились словно брошенное в море послание в бутылке, которое наконец достигло своего адресата».

мы развитию богословия Бонхеффера»¹⁶. Предполагалось, что оно шло по вполне определенной линии: «от Церкви к миру»¹⁷. Бетге склонялся к теории, что на протяжении 1939/43 гг. Бонхеффер многократно, снова и снова принимался за работу над «Этикой». При помощи перестановки рукописей «Этики» он попытался «в хронологической последовательности показать каждый из четырех новых подходов Бонхеффера»¹⁸. В своем предисловии он поясняет, что точной датировке поддаются не все рукописи. Рукопись «Любовь Божья и разложение мира» Бетге ставит в начале, поскольку, по его мнению, она родственна «Следованию за Христом» 1937 г. Здесь как раз дают о себе знать представления об основной линии развития Бонхеффера. Сходство со «Следованием за Христом» означало близость к церкви, только самое начало пути к миру. Тем не менее в предисловии Бетге прослеживаются некоторые сомнения относительно того, что эта рукопись действительно написана в качестве вступления к «Этике». Из «теории начал», вопреки намерению самого Бетге, могло следовать, что каждый из них мог дать начало своей книге об этике, поскольку Бонхеффер должен был бы позже заменять начатые и оставшиеся незаконченными к ней вступления на новые. С тех пор «Этика» распространялась с тем порядком фрагментов, который представлен в ее шестом издании¹⁹.

¹⁶ E. Bethge, *Предисловие, июль 1962 г.*, Э.⁶, 14.

¹⁷ Так оно обозначено в заглавии изданной в 1961 г. диссертации Ханфрида Мюллера.

¹⁸ E. Bethge, *Предисловие*, Э.⁶, 14.

¹⁹ 12-е издание в Chr. Kaiser Verlag 1988. Переводы: англ. 1955, датский 1959, французский 1965, 3-е изд. 1968, испанский 1968, итальянский 1969, 3-е изд. 1983, португальский 1988. Шестое издание на английском языке публиковалось начиная с 1964 г. в разных издательствах. 16 томов *DBW* ("Dietrich Bonhoeffer Works") с 1996 г. издает Fortress Press, Миннеаполис. *DBW 6* на итальянском опубликовано в 1995 г. Editrice Querimiana в рамках редактируемого Альбертом Галласом восьмитомного издания (*DBW 1-8*) "Opere di Dietrich Bonhoeffer".

Новая фаза в работе с оригинальными рукописями «Этики» (особенно в отношении их порядка) началась лишь в восьмидесятые годы. Начало ей положил Клиффорд Грин своим докладом на посвященной Бонхефферу международной конференции 1980 г. в Оксфорде. Прочитанный в Галле-на-Залле в конце 1981 г. доклад Эрнста Файля показал, что Бонхеффер вряд ли начал работать над «Этикой» до мая 1940 г. В 1982 г. Петер Мезер опубликовал свои размышления к новому изданию «Этики», а Грин вступил с ним в письменную дискуссию. Свои собственные исследования Грин продолжил прежде всего в отношении оригинальных рукописей. Герберт Анцингер и в особенности Ильза Тедт при участии Эберхарда Бетге в 1985 г. заново расшифровали все касающиеся «Этики» записи, включая зачеркнутые фрагменты²⁰. Наброски «Этики» сейчас стали доступны в качестве архивных материалов благодаря Федеральному архиву Кобленца, где наследие Бонхеффера к концу 1985 г. было отснято на микро пленку²¹.

Теперь встал вопрос о том, чтобы выявить структуру рукописей «Этики», не обращаясь к многочисленным теориям интерпретации. Сознательно пришлось отказаться от аргументации, связанной с содержательной логикой того или иного порядка. Необходимо было избежать опасности тех заблуждений, от которых не было застраховано шестое издание «Этики». Решающими при рассмотрении заметок «Этики» должны

²⁰ Обобщение см. в С. Green, *The Text of Bonhoeffer's 'Ethics'*. Подготовленная Клиффордом Грином детальная классификация всех видов бумаги, использованной для набросков «Этики», находится в библиотеке Объединенной теологической семинарии в Нью-Йорке. Там же хранится сделанная Ильзой Тедт рукописная транскрипция всех больших вычеркнутых фрагментов в рукописях «Этики». Среди всех издателей только у Ильзы Тедт был постоянный доступ к оригинальным записям Бонхеффера.

²¹ См. составленный Дитрихом Майером в сотрудничестве с Эберхардом Бетге перечень «Наследие Дитриха Бонхеффера». Сокращение NL указывает на сохранившиеся папки. NL A означает написанные Бонхеффером фрагменты. Наброски «Этики» находятся в папках NL A 71 – 75; 71 и 72 содержат рукописи, 73 – 75 – отдельные заметки, касающиеся «Этики».

были стать объективные критерии. Подобно детективному расследованию, особую значимость приобрел внимательный взгляд на внешние, формальные детали.

Главным источником информации стали более сотни отдельных листов заметок. При подготовке первого издания «Этики» каждая из этих заметок получила номер от 1 до 123. При этом номера 90-99, зарезервированные для возможного дополнительного материала, не были использованы. Как выяснилось с течением времени, некоторые заметки не относились к рукописям «Этики». Примером тому является двойной лист под номером 122. Он содержит записи, сделанные в Тегеле в конце 1943 г. по ходу работы над фрагментом статьи: «Что значит говорить истину»²². А один из «тегельских» листов является рукописью «Этики»²³. 25 листов с рукописями «Этики», которые Бетге после ареста Бонхеффера в апреле 1943 г. собрал на его рабочем столе и снабдил пометкой «Schrft», имеют больший номер. В остальном нумерация заметок практически ничего не может сказать о том хронологическом порядке, в котором они были сделаны. После новой расшифровки 1985 г. эти записи многократно заново сличались друг с другом, с рукописями «Этики», а равно и с другими рукописями из наследия Бонхеффера — как по содержанию, так и по внешним критериям. Таким образом были сделаны некоторые выводы об их возникновении. Сравнение этих заметок с рукописями «Этики» помогло реконструировать последовательность создания рукописей²⁴.

Нам известны точные даты возникновения рукописей, написанных зимой 1940/41 гг., поскольку в это время Бонхеффер в письмах рассказывал о ходе своей работы. Нет сомнений и в том, какая группа рукописей была создана непосредственно

---

²² Ср. 15.12.1943, WEN 183, DBW 16, 619-629.

²³ Третий лист в папке с заметками, написанными в тюрьме Тегель NL A 86,3.

²⁴ План «Этики», отличный от реального порядка ее написания также дал дополнительную информацию в отношении заметок, относящихся к ней. В послесловии издателя этому посвящен отдельный фрагмент, с. 455-460.

перед его арестом. Это пронумерованные листы, последние из которых находились на рабочем столе Бонхеффера. Последовательность написания остальных рукописей была выведена Ильзой Тедт на основе сопоставления их с заметками, сделанными на отдельных листах.

Одним из исходных пунктов стала бумага. Уже во время первой обработки записей Эберхард Бетге обратил внимание на разные виды бумаги, которые можно было идентифицировать благодаря, например, водяным знакам или размеру листов. На листах с набросками «Этики» он отметил случаи, когда бумага такого же сорта использовалась Бонхеффером для писем. Учитывать данную информацию было важно, даже если получающаяся таким образом датировка и казалась на первый взгляд маловероятной, как, например, соответствие видов бумаги между рукописью «Церковь и мир I» и письмом, датированным осенью 1942 г.²⁵ Нередко дополнительные исследования показывали, насколько верной была информация Бетге. Помимо вида обращало на себя внимание и качество бумаги. В ходе войны возникали все большие трудности, а потому производимая тогда бумага была более пористой, темной и ломкой, чем в мирное время. Если в случае какой-либо рукописи мы имеем дело с бумагой плохого качества, то предположение о том, что она возникла рано, следовало подвергнуть сомнению. Бумага военного качества появляется в рукописях «Любовь Божья и разложение мира» и «Церковь и мир I», которые Бетге в новом издании «Этики» 1962 г. отнес к 1939/40 гг. На основании изучения бумаги возникли возражения против такой ранней датировки. Кроме сортов бумаги нужно было учитывать и характер почерка, оттенок чернил, толщину пера, а также виды использованных карандашей: простой, химический или цветной. Сами по себе эти детали кажутся незначительными, но, согласуясь с другими данными, они обретают вес. Также снова и снова следовало изучать оригиналы рукописей и заметок. В качестве указаний для датировки можно было использовать

---

²⁵ См. с. 354, прим. 4.

ссылки на книги, которые появились в продаже или могли оказаться в собственности Бонхеффера только после определенного момента, намеки на какие-либо обстоятельства и многое другое. Исследователи следили за тем, чтобы выводы делались не на основании отдельных свидетельств, а только исходя из согласованности между множеством наблюдений. В результате многолетней кропотливой работы из мозаики разнообразно сопоставляемых данных стало возможным вывести этапы, в которые возникли пять различных групп рукописей «Этики».

В данном издании, которое является 6-м томом Собрания сочинений Дитриха Бонхеффера, рукописи «Этики» расположены в хронологическом порядке в соответствии со временем их создания. Из данного хронологического порядка было сделано исключение только для тех рукописей, которые Бонхеффер начал писать на первом этапе. Часть этих рукописей, строго говоря, должна была бы быть напечатана лишь после рукописей, созданных на втором этапе, поскольку Бонхеффер продолжил работу над ними лишь после этого. Однако делать разрывы в тексте рукописей «Христос, действительность и благо. Христос, Церковь и мир» и «Наследие и упадок» было бы неразумным. Равным образом рукопись «Вина, оправдание, обновление» однозначно относится к числу работ, дополняющих рукописи первого этапа²⁶. За данным исключением расположение рукописей соответствует предполагаемой последовательности их написания.

Все признаки, использованные для датировки, и их сочетания не могут здесь быть представлены в полном объеме. Чтобы показать, каким образом отдельные рукописи были соотнесены с определенными временными промежутками, после схемы, демонстрирующей этапы написания «Этики», будут приведены избранные свидетельства. Примечания издателя дают более точную информацию.

Реконструкция последовательности написания рукописей «Этики» Дитриха Бонхеффера

---

²⁶ Ср. примечания издателя с. 39.

Этап I

С лета до 13 ноября 1940 г.

«Христос, действительность и благо. Христос, Церковь и мир»

(DBW6, 31-51 и 60-61.)

«Этика как оформление»

Сентябрь/октябрь

«Наследие и упадок»...²⁷

Этап II

С 17 ноября 1940 г. до 22 февраля 1941 г.

«Последние и предпоследние вещи»

С 9 декабря:

«Естественная жизнь»...

Промежуточный этап

С апреля до конца 1941 г.

«Государство и Церковь»²⁸

Дополнение к рукописям, начатым на первом этапе:

...«Наследие и упадок» (DBW6, 116-124)

«Вина, оправдание, обновление»

Вставка в «Христос, действительность и благо...»

Этап III

С начала до лета 1942 г.

«История и благо». 1-я редакция...

«История и благо». 2-я редакция

«“Личностный” и “объективный” этос»

---

²⁷ Многоточие после заглавия рукописи означает, что она к названному моменту закончена (еще) не была.

²⁸ Справа располагаются названия рукописей, которые связаны с рукописями «Этики» по времени написания и по теме и которые — вплоть до текста «Спустя десять лет» — в предшествующих изданиях «Этики» Бонхеффера публиковались в приложении, см. DBW 16. Оригинал текста «Государство и Церковь» утерян. Его недоставало уже в 1956 г., когда рукописи «Этики» были сняты на микроленку в Гарварде. В настоящее издание, воспроизводящее оригинальные рукописи «Этики», рукопись «Государство и Церковь» не включается. Ее текст напечатан в первом издании (DBW 16, 500-535).

После 10 августа 1942 г.
«Учение о *primus usus legis...*»

Этап IV

До конца 1942 г.
«Любовь Божья и разложение мира»
«Церковь и мир I»...
«О возможности слова Церкви к миру»...

В конце 1942 г.
«Спустя десять лет»²⁹

Этап V

С начала 1943 г. до 5 апреля 1943 г.
«“Этическое” и “христианское” в качестве тем»
«Конкретная заповедь и Божьи наказы-поручения»...

В тюрьме, 1943 г.
«Что значит говорить истину?»

Те четыре рукописи, которые мы отнесли к *первому этапу*, теперь снова, как и в первом издании Бетге 1949 г., расположены вместе. Характер почерка, синевато-черные чернила и писчая бумага первоначальной законченной редакции рукописи «Христос, действительность и благо. Христос, Церковь и мир» и начала рукописи «Этика как оформление» точно соответствуют друг другу. Бумага использованного здесь вида (линованная, невысокого качества) не встречается больше ни в одной рукописи. Первой из этих двух внешне схожих рукописей была создана та, которая целиком написана на бумаге этого вида, и лишь затем — другая, при написании которой Бонхеффер перешел к использованию иного вида бумаги, в клеточку. Таким образом, «Христос, действительность...» — это рукопись «Этики», начатая первой³⁰. В 1949 г. Бетге предпослал ей раздел «Этика как оформление», поскольку заглавие этой рукопи-

---

²⁹ Представленное Бетге как введение к письмам и запискам из тюрьмы, изданным под заглавием «Спротивление и покорность» (WEN 11-27).

³⁰ При составлении «Истории и блага» в 1942 г. Бонхеффер в соответствии с тогдашним содержательным планом назвал ее «1-й главой», с. 223.

си стоит первым в заметке № 38. «Христос, действительность и благо. Христос, Церковь и мир» он поставил на то место, в котором в данной записи значилось: «Церковь и мир»³¹.

Заметку № 38 Бетге сопоставил со словами Бонхеффера в его письме из Кляйн-Крессина в октябре 1940 г.: «... я пишу общий план»³². Соответственно, в пометках на этом листе он усмотрел своего рода содержание запланированной «Этики». Однако письмо было написано тогда, когда Бонхеффер использовал уже не линованную (как и в случае заметки № 38), а клетчатую бумагу. На бумаге в клеточку заканчивается «Этика как оформление» и начинается «Наследие и упадок». Письмо от 9 октября 1940 г., в котором Бонхеффер сообщает, что его работа над «общим планом» займет еще не один день, написано на бумаге в клеточку, точно так же, как и целый ряд заметок, среди которых в том числе и наброски рукописей, сделанные в Эттале³³.

Благодаря упоминаниям о них в письмах Бонхеффера четко датирована группа рукописей, возникшая на *втором этапе*: «Последние и предпоследние вещи» и «Естественная жизнь». Характер почерка, ясно отличающийся от того, что встречается в других рукописях «Этики», указывает на (предположительно сделанную в Мюнхене) покупку новой авторучки и новых чернил: в монастыре Этталя Бонхеффер писал острым пером и голубыми, а не синевато-черными чернилами.

Крайне маловероятно, что соотнесенные с первым этапом, поименованные в заметке № 38 рукописи «Наследие и упадок» и «Вина, оправдание, обновление» могли быть написаны до 17 ноября 1940 г., т. е. начала пребывания Бонхеффера в Эттале. Среди прочего слово «макиавеллизм»³⁴ в рукописи «Наследие и упадок» указывает на знакомство с посвященной Макиавелли

³¹ Заглавия в заметке № 38 сформулированы так: «Этика как оформление... Наследие и упадок... Вина и оправдание... Церковь и мир (оформление)...».

³² 9.10.1940 г. DBW 16, 66; E. Bethge, *Предисловие от 9 апреля 1948 г.*, Э.⁶, 12.

³³ Заметка № 61 (заглавие: «*Предпоследнее*»), № 50 («Естественная жизнь»), № 62-69 (относящиеся к «Образованию», «Благу» и «Злу»).

³⁴ См. с. 112.

и Томасу Морю книгой Герхарда Риттера «Сильное государство и утопия». В продаже это сочинение появилось лишь в ноябре 1940 г. Одинаковые по внешнему виду заключительная часть рукописи «Наследие и упадок», рукопись «Вина, оправдание, обновление» и вставка в рукопись «Христос, действительность...» (они все написаны синевато-черными чернилами на блокнотной бумаге) возникли после пребывания Бонхеффера в Эттале. Явные переключки в тексте показывают, что для части вставки в рукопись «Христос, действительность...», а именно для раздела о наказах-поручениях (Mandate), основой послужил текст «Государство и Церковь»³⁵. Соответственно, развитие бонхефферовского учения о наказах-поручениях началось не на первом этапе, уже в 1940 г., а только в году 1941.

На *третьем этапе* были созданы две редакции рукописи «История и благо». В обоих вариантах первый лист рукописи носит номер «15», второй «16» и так далее. Для определения новой хронологической последовательности рукописей «Этики» Бетге в 1962 г. искал рукопись с номерами листов от одного до четырнадцати, которую можно было бы поставить перед пятнадцатым листом. Посчитав, что нашел ее в рукописи «Христос, действительность...» (ее последний лист носит номер «14а»), он решил, что данная рукопись и «История и благо» написаны один за другим. Через такую связь с номером «15» рукопись «Христос, действительность...» получила свое место во второй трети издания «Этики». Однако эта гипотеза не вполне удовлетворила Бетге. В своем предисловии он отмечает, что для «Истории и блага» использовалась иная писчая бумага, нежели для рукописи «Христос, действительность...»³⁶. Различие в сортах бумаги приводит к сомнению в том, что номер «15» имеет отношение к порядку написания. Это сомнение усиливается благодаря еще одному обращающему на себя внимание обстоятельству, а именно крупному, подчеркнутому

³⁵ См. напр., с. 47, прим. 74: предложение из «Государства и Церкви» переформулировано с использованием понятия «наказа-поручения».

³⁶ Ср. E. Bethge, *Предисловие, июль 1962 г.*, Э.⁶, 15.

«15» в заметке № 31. Эту цифру не нужно было бы выделять, если бы рукописи «Христос, действительность...» и «История и благо» возникли одна за другой и имели сплошную нумерацию. Если отказаться от предположения об их временной связи, то рукопись «Христос, действительность...» следует поместить на соответствующее последовательности ее написания место, о котором свидетельствуют как вид бумаги, так и характер подчерка: в самое начало работы над рукописями «Этики».

Даже беглый взгляд, обнаруживающий различие в чернилах, позволяет заключить, какая из двух редакций «Истории и блага» была на третьем этапе написана первой. Первая версия написана сначала синеваато-черными чернилами, затем — голубыми. Оттенки чернил явно отличаются друг от друга, поскольку в случае одного из изменений в тексте одним цветом написано поверх другого³⁷. Голубыми чернилами подчеркнуты фразы, появляющиеся снова во второй редакции. Вторая редакция, так же как и все рукописи, которые в настоящем издании отнесены к четвертому и пятому этапам, написана голубыми чернилами и пером нормальной толщины. Цвет чернил соответствует другим признакам, например дате одного письма, написанного на особой бумаге, что делает возможным датировать создание рукописи «Церковь и мир I» второй половиной 1942 г.³⁸

К *четвертому этапу* следует последовательно (как и в обеих версиях Бетге от 1949 и 1963 гг.) отнести рукописи «Любовь Божья...» и «Церковь и мир I», хотя между ними и нет содержательного соответствия. В конце первой и в начале второй рукописи используется вид бумаги, который не встречается больше ни в одной рукописи: двойные листы с водяными знаками («документная» бумага). Один и тот же характер подчерка подтверждает, что обе рукописи возникли в процессе непрерывной работы³⁹.

---

³⁷ См. с. 243, прим. 79.

³⁸ Ср. с. 354, прим. 4.

³⁹ Листы рукописи «Любовь Божья...» и «Церковь и мир I» пронумерованы не непрерывно, а в каждой рукописи особенным, отличающимся

Для наброска «О возможности слова Церкви к миру» используется та же темная бумага военного времени, что и для записи № 20 с заметками к тексту «Церковь и мир I». Этот набросок, черновик рукописи — как показывают относящиеся к нему заметки (например, заметка № 10 на «документной» бумаге⁴⁰) — тесно связан с рукописями четвертого и пятого этапов⁴¹.

Год 1942, к которому относятся третий и четвертый этапы работы, был для Бонхеффера весьма беспокойным. Вместо постоянной работы над конкретной этикой им были созданы дополнительные рукописи. Раннее замечание Бетге оказалось точным: «Этика» Бонхеффера «в единое целое сложилась постепенно»⁴² из уже имевшихся рукописей, а также начальных и концевых вставок, вроде тех, что были созданы, начаты или намечены на третьем и четвертом этапах. Также и на пятом этапе, до ареста в апреле 1943 г., Бонхеффер не экспериментировал с новым взглядом на этику в целом, а работал над развитием своего учения о наказаниях-поручениях, начатого в 1941 г.

Во время презентации заново реконструированной последовательности написания рукописей «Этики» на конференции всех секций Международного Бонхефферовского комитета в Амстердаме в июне 1988 г. Бетге подчеркнул в своем приветствии, что — как это часто происходило у Бонхеффера — зачин (то есть рукопись «Христос, действительность и благо...»), в сущности, включает в себя все содержание книги: этику в свете *единой* действительности во Христе.

от всех других рукописей образом, что указывает на отделение данных рукописей друг от друга в общем плане книги.

⁴⁰ Ср. с. 376, прим. 30.

⁴¹ Издатели пребывали в сомнениях относительно включения данного наброска в *DBW* 6.

⁴² E. Bethge, *Предисловие от 9 апреля 1948 г.*, Э.⁶, 12.